

ном. Нравоучительные обличения пьянства в старинной литературе имели «христианско-апокрифический источник», но такой источник преданий, по словам А. Веселовского, «вовсе не умаляет для нас их народного значения».⁶

Мотивы о дьявольской природе вина, о демонической силе хмеля в нашей литературе восходят еще к «Откровению» Мефодия Патарского (появившемуся у нас до XII в.), вернее — к «Интерполированной редакции» «Откровения», самостоятельной русской редакции источника. Составление ее относится к XV в., но распространение она получила начиная с XVII в. (со времени появления раскола).⁷ В «Интерполированную редакцию» «Откровения» и вошел апокриф о Ное и Евге, где, в частности, повествуется, как дьявол научил людей делать водку. Апокриф этот был хорошо известен в народе, вошел в так называемую Лицевую Библию, известную по собранию А. С. Уварова. Ф. И. Буслаев считал, что именно этот текст стал источником фольклорной легенды.⁸ Он же приводит фольклорный рассказ из собрания П. И. Якушкина (а стало быть, записанный в XIX в.), отличающийся несомненной народностью от языка и стиля апокрифа. Народную версию апокрифического сказания о Ное и Евге приводит также А. Н. Афанасьев в «Русских народных легендах».⁹

Представления о дьявольской силе пьянства отражены и в некоторых произведениях старинной сатирической литературы (как, например, в «Повести о высокоумном хмеле»); эти материалы были широко представлены в рукописных сборниках, вошли и в лубок.¹⁰ В «Повести о высокоумном хмеле» хмель выступает как некоторое одушевленное существо — «олицетворение злого демона пьянства», по выражению Ф. Буслаева. Хмель говорит о себе: «Голову имею высокоумную, а ртом я несовершен. Язык имею многоглаголив...». Хмель повествует, как он овладевает пьяницей: «И довольство его отниму от него, и вложу его в пьянство безмерное, и сотворю его смела и буйна, горда и величава, суемудрена и тщеславна, многоречива и самохвальна».¹¹

В. Н. Перетц, приводя различные материалы из старинной сатирической литературы, говорит, что в этих произведениях пьянство выступает как «роковая сила, с которою борьба порою невозможна человеку всякого чина».¹²

Все эти представления нашли свое отражение в фольклоре, и не только в легенде, но даже в волшебной сказке, которая, вообще говоря, сопротивляется прямому морализированию. Именно так возник эпизод «Сила хмеля». Большой частью ему предшествует другой эпизод книжного происхождения, о котором упоминалось выше. Герой сказки, блуждая вдалеке от родной страны, встречает льва, дерущегося со змеем; герой помогает льву победить змея; благодарный лев отвозит героя на себе домой, но, расставаясь, запрещает ему хвастаться этой поездкой. Однако герой, напившись и захмелев, не утерпел и похвастался перед земляками своей поездкой на льве. Перед ним появляется разгневанный лев, но герой убеж-

⁶ А. Веселовский. Опыты по истории развития христианской легенды. ЖМНП, 1875, № 5—6, стр. 48.

⁷ В. Истрин. Откровение Мефодия Патарского, М., 1897, стр. 233.

⁸ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 440.

⁹ А. Н. Афанасьев. Русские народные легенды, т. I. Казань, 1914, стр. 98, № 14.

¹⁰ В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. — В кн.: Сборник в честь проф. С. Ф. Платонова. СПб., 1911.

¹¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки... стр. 566.

¹² В. Перетц. Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах, стр. 432.